

Астра

МАЛЫЙ ТЕЗАУРУС

Москва
Издательство «БПП»
2009

АФОРИЗМЫ

Если в комнате солнце, ты не один.

Даже в молнии, поражающей тебя, есть сила для тебя. По той же молнии, можно пройти к источнику и взять его силу.

Грамота, данная Варлаамом Спасо-Хутынскому монастырю ок. 1192 года *«на землю с угодьями, челядью и скотом»*. Одной строкой.

Отсутствие распорядка как признак силы: «Какой он солдат, если чистит зубы!?» — смеялся буровой мастер, бравший Берлин. — Я с автоматом в кустах стою, а он у ручья зубы чистит. Солдат!»

БЕЗМОЛВИЕ

Остановка внутреннего трёпа и безмолвие — разные вещи

Безмолвие началось на рассвете. Пустота, озеро, над ним туманы. Сердце — цветок, душа — пространство, дыхание — Вселенная. Рассвело. Деревья за окном. Медленно, с искрами усилий они стали длинными суковатыми существами, толпой сущностей. Кто-то глядит в мое окно.

Не языки учить, а выходить на уровень безмолвных смыслов.

БЕССМЫСЛИЕ

Когда долго чем-то занимаешься, сквозь дело начинает просвечивать бессмыслица. Где она была раньше?

Состояние бессмыслицы — болезненное нарушение, просвет в плотной договоренности о замазывании мозгов. Это приказ пробиваться сквозь. Когда же действия нет, то удивленное возвращение: все по-прежнему? и даже работает? Удивленное и разочарованное, потому что предощущение «за просветом» врождено человеку.

БИЗНЕС

Бизнес, дела, предпринимания — азарт и суета, а глубине неизвестно что. Ну и лады. В глубине Земли тоже неизвестно что, а мы живем и семечки лузгаем. Все в пределах неразличения.... И литература тоже!

Ну и раскачка в бизнесе! Аж спрятаться хочется.

Три часа стояла и торговала. Переступила. Теперь легче одолевать спесь.

Все эти движения начались со спектакля «Месяц в деревне» из слов Аркадия: — «Постройки, постройки», заполнившие жизнь человека. Мои постройки — сетевой бизнес, занявший слишком большое место.

Убедилась, что чужие успехи меня уничтожают. Осознавать здесь и сейчас. Учеба и проявление, как в Дао.

Позвонила в мастерскую художника, попросила деловую встречу минут на пятнадцать. «Нет, в пятнадцать минут мы не уложимся», — ответил пьяный художник.

Стяжание — сильнейшая эмоция наших дней. Все на ее обслуживание — воодушевление, творчество, деловитость. Выгода как единая мерка. Толпы людей, охваченные хичкоковским ожиданием ужаса и надежды.

Наша «Главная» пристегнулась к моей Удаче, потребовав пять процентов моего вознаграждения. Я согласилась. Удача обиделась и ушла.

Не понимаю денег. Я для бизнеса слишком легка, он не даёт погрузиться в него, как Мертвое море не пускает ныряльщика. Поэтому остановка.

Поставили на самом ходу черные надгробия с гравировкой двух красивых женщин с именами и датами жизни. Народ идет и жалеет.

— Ах, ах, какие молодые! А что их здесь поставили?

- Это образцы. Реклама.
- Ой.

Почти год в деле. Успехов немного, но этот год как проползание под проволокой с током. Вышла на уровень снисходительной игры. Теперь могу все.

Утром ощутила удар корысти и поняла, что это бизнес. Его дух — воодушевленное стяжательство, управление алчностью. Дохнул, заразил, и человек завертелся. Хозяева потирают руки.

Черные начала бизнеса: сетевики-лекарственники запугивают людей болезнями. «Холода идут, грипп, простуды, покупайте кремний, иод, селен!». Слово гробовщики во время чумы.

Моя презентация перед полным залом, аплодисменты, шутки. Хорошо.

Св. Ив-на. с умильной улыбкой делает презентацию товаров для тела. «Когда стоишь под душем и гладишь руками свое тело, оно гладенькое-гладенькое...» — а Св. Ив-не шестьдесят пять, и она страшна, как смертный грех.

Что за ерундой я занимаюсь? Чем вообще занимаются люди? Оценили все на свете и обмениваются? Где работа духа? Ну-ка, сядь!

Мне дают возможность развития, мысли, здоровье, а я все сжигаю в нервном огне коммерческих встреч. За это и врезали, лежу пластом после переговоров.

Когда впервые выходишь с плакатиком, то первые полчаса слышишь только свое волнение. Потом начинаешь видеть. Качество толпы. Стою себе, а мимо идет человечество. И какое красивое!

Разговоры с людьми — лучшее место с дощечкой в руке. На грубом уровне — приглашение в команду, на тонком — к общению. Рассказывают о себе жадно, истово, как в дальнем поезде, особенно мужчины и женщины попроще. Благополучные не подходят.

— Как вы дошли до этого? Вы красивая, на вас хочется смотреть. Я бы ни за что, я инженер, в Гидропроекте работаю, — а сама бедна, тускла, неуспешна, но встать с плакатом!? Ни за что!!!!

Я пекусь о деньгах, а ко мне подводят судьбы. Женщина из-под Брянска, муж умер, дочь с нею, сын из армии принес СПИД. Приехала в Москву с гармонью, чтобы играть на улице за деньги, ехать в военную комендатуру. Боится заразиться от сына СПИДом. Ощущение одновременности всех судеб и жизней.

Инвалид, ноги заплетены, на платформочке, глаза умные, добрые. Подошла с плакатиком, поговорила о бизнесе «У меня жена хочет заняться». У него жена. С помощью рук стал забираться вверх по ступенькам.

Сколько горя в народе! Когда стоишь с ними, тогда и видишь.

Бизнес сам по себе достаточно суховат. Он рассчитывает, трудится, добивается, в общем, сложный робот достиг бы результата, как говорится, от батарейки. Не то человек. С его жаждой и отчаянием он шарахает в бизнес всю энергосистему, словно фанат на стадионе, и превращает бизнес в азартную, даже губительную, игру.

Опасения, что надоедят мне приглашенные люди, что им будет сложно и не по себе со мной.

Несусь по кочкам в бизнес-тарантасе, но все чаще поглядываю на дальние пространства за окном — там, там творчество.

Благая весть. Сделать тонкий играющий рассказ....

ВЕЖЛИВОСТЬ

Вежливость — поедание червями себя самоё.

Пример дискретного мышления с только «да» и «нет». В сверх вежливом обществе развитие личности замедляется, поскольку отсутствуют знаки: человек должен иметь обратную связь хотя бы в резком ответе со стороны. Другое мнение: сверх вежливое общество предполагает тонкое взаимодействие личностей, при котором достаточно и слабого знака от окружающих.

Разбирайся тут: взяты две выдумки и поданы наукообразно, с умным видом.

Бомж безногий спит на асфальте. А мы — вежливость...

ВНЕШНОСТЬ

Красота — топор под компас, короткое замыкание на самого себя. Красота — сигнал для окружающих, а не для носителя, который и знать бы не знал, и жил-поживал, когда б не зеркало-ловушка.

Красавица-девушка не понимает своей красоты, любит себя, а вчувствоваться не может. Она и ощущает-то себя лишь через отражение в зеркале да в глазах встречных, особенно мужчин. Зеркало лежит у нее в сумочке и под подушкой, стоит на столе, висит на стенке, без зеркала она потеряет себя. Не каждая, нет, но та, что поверила своей удаче и душевно живет на доходы с внешности. Судьба их печальна, обманутые притязания сокрушительны. Моя приятельница, красивая женщина, кандидат наук — унылый тому пример. Сколько поклонников, какого уровня! Но никто не удостоился ее руки, она ревновала к ним самое себя, мол, за что ему такая честь — обладать редкой умницей и красавицей?! В пору жестоких возрастных штормов она сделала пластическую операцию, освежилась, даже расцвела, но та же гордыня просвечивала сквозь все новые похождения. Время ее уходило. Начались до-

машние прикладывания к спиртному, бутылки во всех углах. Вот общее в судьбах стареющих красавиц, поставивших на красоту своего лица и только.

Горбунья скорее разберется в жизни, чем насквозь прозеркаленная красавица.

ВНИМАНИЕ

Забота тщеславия — выбить из человека удивление, потому что удивленное внимание в двенадцать раз сильнее обычного. Где внимание, там и его живая сила. Поэтому везде, от земли до неба, любыми способами идет борьба именно за внимание.

Вдумчиво войти и уйти так же. Нет, дай внимания.

ВОЗРАСТ

Возраст — всегда вызов. Нести его, как розу... с шипами.

ВОЛЯ

«Надо» — главнейшая программа тех, кто пытается нами владеть. Им желательно, чтобы человек шел сам, по внутреннему убеждению «надо».

ВРЕМЯ

Столько молниеносного произошло в моей жизни, а девушка в переходе по-прежнему читает «Очень страшную газету». В магическом времени мы бываем, что ли?

Стрела жизни пущена сквозь день-ночь, темь-свет. Единство себя сквозь это мелькание, как поезд по мосту.

Время мчит, держа меня на локомотиве, все встречное летит в меня. Отстранишься — поезд умчится без тебя.

ВСЕЛЕННАЯ

Вселенная есть нравственное состояние бесчисленных уровней.

«Ощущ» — шорох Вселенной.

Под утро увиделись синие вселенские пространства, в которых голубые вихри показывали дорогу.

Волчьи глаза Л. Толстого. Накат Вселенной для осознания себя через мощь духа Толстого?

ДЕЛАНИЕ

Как соблазнительна рутина! Как сладостно после трудов и одолений повторять и повторять знакомый путь, усовершенствуясь по мелочам и не отваживаясь свернуть в сторону! Энтропия-матушка-рутина.

Бесконечная гонка за конечным — жизнь материального мира.

Из сонма миров, куда можно войти в виде огненного шара, парочка «делание — не-делание» видится одной из иллюзий, пьянством человечества.

В чужом офисе отчетливо ощутила состояние делания, чужой деловой суеты и полного серьеза при этом.

Живем не в жизни, а в деле. «Что будем делать? — Ничего. — Я так не могу». Паскаль: нужно научиться тихо и спокойно сидеть у себя в комнате.

Читала в РГБ об архитекторе Николае Львове, просматривала его строения XVIII- XIX века. Кое-что уцелело. На обратном пути завернула в «Охотный ряд» погла-

зеть на распродажу. Что не продадут — выбросят без жалости. Удел сделанного — разрушение.

Трудность — в слове «делание», понимаемое как почти производство. А это состояние.

Приближаясь к РГБ, ощутила многократную рутину действия: метро, вход в библиотеку, каталог, потерянности в толпе, удовольствие чтения.

ДЕНЬГИ

В магазине у кассы увидела сумму в 200000 рублей по безбожному курсу 1993 года. Если то, ради чего — противно.

Деньги обладают сильнейшим искривлением. Есть деньги и ты умнее жизни. В них сгущено слишком много страстей!

Деньги — документ о благодарности, о полезности услуги или сделанной работы. Ныне эти благодарности столь отдалены от своих корней, что живут собственной жизнью в степенях и степенях упоённого отстранения. Отсюда ломкость всей связки.

ДРУЗЬЯ

Славно молчать в умном обществе знакомых людей. Вникать, додумывать, улыбаться тайнику своей души.

Нежный, солнечный, лукавый и ласковый звоночек на автоответчик от Л.: «Где ты? Мы тебя ждем. «Л» с точкой». Сокровище душевного тепла. «У меня к тебе как к дочери вдруг прошло чувство». Милая.

Е. побывала в храме староверов, чистых суровых людей. Стояла, слушала пение, с кем-то говорила, фотографировалась. В тот же день под лопатку впился клещ. Ищет, в чем неправда — то, это? Мне же видится, что ошибка — само появление в том храме, сам туристический интерес. Везде ли имеем право стоять?

Вспомнился «поэт» в дипломатическом особняке, который прилежно учился складывать стихи. Издавал их за свой счет под «изящно-классические» томики. Дубово, топорно, предельно наивно. Меня пригласил как рекламного агента после моего звонка, чтобы почитать свои поделки, подарил канцелярской мелочи, рекламы, конечно, не взял, зато с гордостью провел по особняку на Пречистенке, доставшемуся МИДу после революционной чистки.

ДРУГОЙ

Увиделось цветущая сложность Другого человека. Вслушаться бы в Другого, чутко, бережно, а то сразу — борьба, победа.

Не понимаю Другого. Вся вежливость человеческая призвана смягчить это непонимание, в противном случае ужимки приличий оказались бы излишними. Но иногда Другие приоткрываются душе моей. Вот нигерийские женщины с подбритыми лбами; сколько ласки, терпения, силы в их глазах, сколько чистого чувства и спокойного понимания. Вот тот башкир в старопрежней деревне, который пел, лежа в телеге один под звездами. Соседи украдкой слушали. Или сон про калмыцкий праздник, красные бархатные с золотом одежды, легкость, радость, нежное веселье. Или два народных певца-казаха на старой выцветшей фотографии, их чистые души, видные в повороте головы, в лицах. Или рассказ старой армянки о том, как в детстве она ехала с родителями в горах ночью, и боялась низкого черного звездного неба. Или, наконец, приуставший мужчина в толпе у метро и то явственно-духовное над его головой. А вчера вечером меня обогнала собака. Мы шли против холодного ветра в неуютном темном тротуара. Стало жалко ее, рука потянулась дать ей печенья, но собака не взяла. Не себя надо ставить на место Другого, а увидеть его в его бытии, его пространстве. Это труднее жалости.

ДУША

Ребенок: «Если бы у камня была душа, то было ли лицо?» У гор оно есть, у всего есть. Однажды за пригорком, еще не видя, почувствовала речку. Земля живая, это мы мертвецы-цивилизаторы-мелиораторы.

Когда-то в закрытых глазах возникла большая птица. Крылья, белоснежные перья, каждое видно. «Это моя душа, «- подумалось с радостью. И тут же концы перьев почернели. Если бы я могла держать состояние, без мысли, без слова...

Насколько булыжнее мои внешние дела дел внутренних. Сбросишь булыжники и оказываешься в тончайшем. Озаренный горизонт закрыт будто бы колыханием листы без просвета, но в неведомое время она расходится и там — поразительная ясность. Потом можно и звонить-говорить, но потом, а не вместо.

ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ

«Записные книжки» В. Ерофеева. 1961г. Выписывает из классиков о смерти, из Шопенгауэра, Достоевского. Его собеседник — Эсхил. Т.е. на пустом месте «Москва-Петушки» не являются.

После страха смерти и страха безумия Вен. Ерофеев ищет бога. Выписывает из исповедей, из многих-многих. Человек, набирающийся от человечества. Очень сильно работает. Его выписки, шутки, мысли — четко, умно.

Где бы ни оказывался, чувствовал себя первым. Дорожил этим и, вполонину, выписывая из литературы, мыслей, анекдотов и т.д., делал, имея в виду друзей и собеседников (как все мы), а также знакомых женщин — с его знаниями и талантом он был неотразим! Если бы не водка, он стал бы ярчайшей интеллектуально-литературной звездой. А фонотека! Сотни произведений.

Эх, жаль заканчиваются «Зап. книжки»! Богатый мужик и себе на уме. Все понимает, сечет, видит. Речь превосходна. Мужское чтение — о нацистах, власти. Выпукло, живо, каждое слово.

Искал достойного общения, поступал в ВУЗы, дважды в Университет, но нигде не удерживался среди умных, хотя был умнее всех. Его творческие порывы истощились на жажде знаний, построении интеллекта и водке, водке. Такой дух! и так его изгадить. Копилка чужих взлетов и прозрений, списки творцов, а потом водка, водка. Боль от чужой пошлости, собственные перлы. Провожание взглядом чужих полетов. Мужик «достоевского» склада.

Ни Венечка Ерофеев, ни Довлатов не думали о деньгах. Жили, творили и пили-пили-пили.

Злостно загубил себя Венедикт Ерофеев, злостно, преступно.

ЖЕНЩИНА

Девушка, рослая, статная, стояла с парнем в обнимку. Он, мелкий, нетрезвый, рылся в ней, а она тоскливо смотрела вникуда, с отвращением переживая эту минуту. Я шла мимо, кивнула ей, по-человечески, моргнула глазами, мол, ничего. В ее взгляде проявился смысл, стало что-то происходить. Больше я не оглядывалась.

Ал-р Васильев, знаток моды, обожатель, профессор, двадцать лет читает в Европе лекции о моде, на которые сходятся одни и те же сто женщин, говорящие, что это их наркотик.

В будущем у женщин будет выбор: либо отдать часть жизни детям, родить, воспитать, либо присоединиться к той части женской общественности, что посвятила себя высшему развитию. Человечеству не нужна обвальная рождаемость.

Перед роскошными француженками на полотнах из музея ОРСЭ стояли наши современницы в грубых пиджаках, темных брюках, без причесок. Ужаснулась.

Молодая женщина в метро. Зеркало, тушь, помада. Накрасилась при всех, не смущаясь присутствием пассажиров: они же не из ее круга, и не для них ее старания! Ладно. Потом появился лак для ногтей, стала красить ногти. Вонь по вагону. Т.е., осатанелое напряжение

на собственной внешности, на впечатлении, успехе, замужестве. А вы говорите «красивая женщина». Чем не топор под компас?

Женские дневники, письма, записки XIX века — сплошная борьба за себя живую, за свое осуществление.

ЖИЗНЬ.

Где-то близко общий взгляд на жизнь. Так думается постоянно. Есть последние открытия, но нет завершающих.

Невозможно выйти и войти, все внутри жизни. Многожды наступает болезненная потеря смысла. Что это? Кризис, когда старого уже нет, а новое не прояснилось, и надобно собственной башкой пробивать потолок на новый уровень. Потерян смысл — живи без смысла. А разве не больно, не страшно гусенице, упаковавшей себя в куколку, раствориться химически? Зато вылетает бабочка с новыми возможностями полета и света.

Быть — это как? Привычнее казаться, даже перед собой.

Увидеть свою жизнь извне, ее скачки, метания, вихри.

Жила на земле, понимала, бормотала.

ЗДОРОВЬЕ

После витаминов тупость и ровность такие, что помню — ехать туда-то, а понимания никакого. Стою, сосредотачиваюсь. Т.е, витамины этой компании за свои услуги берут моим развитием.

Мужчина по-пьянке подошел знакомиться и первое, о чем попросил — сдать кровь на СПИД.

Поясницу разломило из-за стихов этого темного заплутавшего поэта. А я еще смеялась снобизму Стендаля, что у него никогда не болит голова просто так, но лишь от плохого пейзажа. Все глубиннее.

ЗЛО

Давний сон о красоте Зла. Грозно, сверх величественно.

Как змейки лезут из меня то злобки, то сплетни, то едкости. И это при общем светлом настрое.

Красота Зла у Лермонтова и Булгакова.

Зло не жалеет своих носителей. Иначе оно не чисто.

ЗНАК

Хоть как-нибушные знаки согласия с тем, что я делаю, как-нибушные! — взмолилась я... И вот возле дома подошла знакомиться девочка Валерия 6 лет: «Я видела, как вы занимались на спортплощадке. Я жду Аню, мою подружку. Вы ее знаете?». Прелесть. И, т.е., согласие.

ЗНАНИЕ

«В многая знании много печали...» Красиво и неверно. Радости больше.

Не?.. знаю?.. что?.. мне?.. делать?.. в?.. этой?.. жизни?

ИСКУССТВО

На спектакле «Три сестры» в исполнении молодых актеров из Нальчика впервые в жизни я ощутила, как в зале появилось нечто объемное, заполнившее все помещение и всех включившее в себя. Стало понятно, что именно владело Чеховым, когда он работал над пьесой. «Оно» либо входит и все оказываются внутри вместе с актерами, и действие идет на одном дыхании, либо не входит, и тогда все впустую, и зрители испытывают неловкость от кривляния на сцене.

У Рембрандта лицо человека из тьмы небытия. Не человек, а мысль человека, освещение этого размышления в условиях «жизни». Почему такой мрак вокруг лица? Ах, да, тьма небытия.

Еврипид, Софокл, Эсхил. Участником действия выступает античный хор из девяти или пятнадцати человек. «Вот будущий цареубийца, Скоро мир поразит он язвою души», «Ведь горе-то лишь началось и полпути не пройдено»... Хор — это обстановка внутри человека, те же догадки, оправдания, объяснения, в общем, внутренняя сцена. Человек заключен в этом общении, лишь в мгновение догадки его «Я» впереди тех, кто держит за одежду. В следующее мгновение хор настигает и вновь оправдания, объяснения.

У Эль-Греко голубь летит прямо в глаза. Такое не придумывают, такое видят. Во сне? Получил и передал.

Молодое пение, оказывается, не только в энергии и шуме, но и в невинности, чистоте, как у раннего Сергея Погудина.

Всеми любимый, никем не понятый Булат Окуджава. Душа его светилась и переливалась тончайшими оттенками, для которых не всегда находилась вязь слов. Когда же удавалось, то расцветала песня — дар человечеству. «Одинокий рыцарь», — называли его.

Я не была знакома с ним. Как-то он был приглашен в Литинститут к студентам на беседу. Увидев полную аудиторию, удивился. «Столько писателей?». В другой

раз я увидела его в ЦДЛ. Он сидел в узком коридорчике у кабинета чиновника. Сложное мгновение. Нельзя видеть такого поэта у дверей чиновника, нельзя даже приветствовать его «по случаю», и еще чего-то нельзя, бережное, уважительное к нему. И я, красивейшая из женщин, незряче провеяла мимо тончайшего из певцов, едва не коснувшись его колен.

Художница прожила в Японии самые страшные годы и вернулась в Россию, в Феодосию. Ей девяносто лет. Почитатели предлагают устроить выставку ее работ.

— Нет, — ответила она, — я еще не готова. Лет через пять.

И стала готовиться к выставке. Через пять лет все состоялось. Она умерла через год. Известная художница.

Сделать бы передачу «Высочайшие вершины духа» в истории человечества. А то — о преступлениях, сокуплениях.

Слушала кусочек «Хованщины». Вот-вот, такой подспуд придется создавать. Как в том сне, когда надвигалась планета, ее покатый бок и низкий жутковатый звук.

Выставка фотографии 1885 — 1930гг. На серебре, из мелких точек. Лица, люди, дети, босые женщины. Поразительный снимок-картина: широкий горизонт, восход, на этом длинном горизонте пашущий крестьянин. Он один со своей лошаденкой и сохой. О, как можно думать! Как подняться!

Девочка-лауреаточка девяти лет играет на фортепиано с оркестром, а на пальчике зеленка.

Конкурс наших скрипачей. Один неподдельно хорош, остальные просто искусники. В фойе скрипка Паганини под пуленепробиваемым стеклянным кубом под охраной двух амбалов.

По «Свободе» про оперные хоры. Оказалось, что самые гениальные хоры у Мусоргского, самые изящные у Верди, самые сбивчивые у Прокофьева и Шостаковича.

КНИГИ

«Квасир захлебнулся собственной мудростью, ибо не было человека столь мудрого, чтобы мог выпросить у него всю его мудрость». «Младшая Эдда». Яростная необходимость высказывания рождает Учителей и писателей, на обыденном же уровне означает нестерпимую потребность общения. Жалко захлебнувшегося безмолвием Квасира.

— Я живу в маленьком городке и не уезжаю, чтобы он не стал еще меньше, — написал древний грек с прелестной улыбкой.

Прекрасная нога нищенки-азиатки. Она сидела у спуска в подземный переход, и я, поднимаясь по лест-

нице, смотрела на ее босую ногу, нежную, с длинными пальцами, розовой удлиненной пяткой, чистым подъемом и точеной лодыжкой. Золотистый свет падал, как у Брюллова. И вспомнилась мне книга одной англичанки, которая в рисовальном зале увидела на возвышении дивную обнаженную молодую женщину. После сеанса модель оделась, и что же? Убогая одежда и стоптанные каблуки украли все совершенства ее тела. Англичанка не простила этого Лондону, покинула хмурый морозящий город и отправилась далеко в Египет, на археологические раскопки. Синее небо, желтые пески, ясная эмаль черепков и остатки легких прекрасных строений вознаградили ее. И великолепный мужчина, ученый-археолог.

Пьеса Ионеску «Носороги»: герой отказался сменить облик человека на носорожий и смотрит в зеркало с поздним раскаянием и жгучим стыдом за свою неловкую немощь, так разнящуюся с толстокожей мощью оносорожившихся.... Прочитала и закричала, и до сих пор кричу.

«Чевенгур» — бездонная глубина невежества, одержимость непереваренным мифом. Мнение зарубежного исследователя литературы.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Сила духа Льва Толстого. Чехов болел после разговоров с ним и испытывал нервный удар.

Уйди Л. Толстой из Ясной Поляны лет на пять раньше, его жизнь продлилась бы дольше. Драгоценен каждый день такого человека. Но жалел жену, сам мучился, всех мучил.

Взяла рассказы Толстого после его 75 лет, а там «После бала», «Хаджи-Мурат». «Хаджи-Мурат» сделан отдаленно, равносвещенно, почти *без отношения*. Царь и Шамиль, Воронцов и Хаджи-Мурат, мысли их всех. Уровни, боковые захваты. Дух замирает!

— Жизнь их очень серьезна, — пишет он о крестьянах.

Как же связали, скрутили этого мужика — Льва Толстого — словами бог, любовь, правда, долг, вина, как чует он эти тиски сквозь дымно-жгучую толщу!

Уровень идей его настолько превосходили его семейное окружение, что кроме выгод от публикаций эти родственнички не чужали ничего. Зато сейчас в Ясной эти пра-пра-пра..., которым, наконец-то, растолковали, кто есть кто, с важностью принимают посетителей, держатся горделивой стаей. Вот бы он их шуганул!... Индира Ганди разулась и к его дому шла босиком по октябрьской сырости.

Как бился этот ум! Как всполошились церковные иерархи! Лишь старцы в Оптиной, прошедшие сквозь нравственное горнило, оставались мудры и бесстраст-

ны. В общем, он и церковь и не могли принять друг друга, находясь в разных пространствах. Он стремился к свободе и набивал шишки на складе-свалке разума и представлений, а они, высшие из них, те, кто сливался в озарении молитвы со Вселенной, и у кого, как у Амвросия, на молитве в келье открывалось небо и светились звезды, этим святым отцам явственен был дымный пламень его мятежа, и они отрешались, как от скверны.

ЛИТЕРАТУРА

Старое недоумение — ненормальность как норма. Достоевский, Кафка. Опять «радость менее доказуема, чем бифштекс»?

Легкое скатывание на рассказ «о жизни» с рассказа — «живой жизни». Однажды увиделось, как мой герой сумрачно откачнулся плечом от стенки. Попробуй, сладь с таким!

Лермонтоведение продолжает благостное напутствие Ираклия Андроникова и делит черты поэта на «хорошие» и «не совсем». Владимир Соловьев знал поэта совсем иным, он повествует об этом, целомудренно обходя некие события, известные современникам. Разгулы, что устраивал Мишель в Петербурге, были настолько чудовищны, что, как упоминает Печорин, «моя петербургская история наделала, кажется, много шуму». Она докатилась и до Москвы, отчего и встретил Мишель ледяной прием у любимой девушки, которой

эта «история» сломала жизнь. Он не мог не понимать этого, и все же ответил ударом: «Иль женщин уважать возможно, Когда мне ангел изменил?» Уничижительный взгляд на женщин проник и в судьбу Бэлы, о которой он бьется об заклад с Максимом Максимычем, и в судьбу княжны Мери, которая была растоптана и вовсе мимоходом. Гениальный текст пленил всех, и только Николай I единственный, кажется, нашел роман хорошо написанным безнравственным сочинением. Да Белинский сокрушался, что поэт ушел, не выкупив себя во мнении читателей. Личность потомка древнего шотландского колдуна Лермонта, наводившего ужас на всю округу, личность поэта Лермонтова, не дается нашему пониманию. Этот непостижимый человек промучился на земле двадцать шесть лет и оставил нас в оцепенении от всего, что сотворил.

«Герой нашего времени» — гениально-преступное произведение с нарушением нравственных законов и отвращением к самому себе. «Мастер и Маргарита» из того же ряда, но с ликованием от нарушения нравственных законов. Булгаков, как и Лермонтов, и Гоголь, пленяет обаянием своей прозы, и очарованный читатель не чувствует, какую жуть держит в руках.

При чтении Ходасевича словно крадешься на цыпочках между его стихов. Однажды взлетела душа его и увидела его сидящим внизу на диване с книжкой. Мне это внятно, у меня было и поинтереснее. Но вот он пишет:

Я не знаю худшего мученья,
Чем не знать мученья никогда.

А будь под рукой современное снадобье от его язвы, или слабенькое успокоительное от хандры? Поэту надо обладать здоровьем Гете.

Некто убеждал меня в том, что русский язык примитивен и недоразвит, поскольку в нем обилуют глаголы типа *светает, дождит, моросит*, что-де в английском языке такого не встретишь. Я возразила, что в этих глаголах носитель отсутствует потому, что через это зияние русское осознание связано с неназываемыми космическими, часто роковыми, силами. И что Чехов почти весь построен на этой неопределенности, на этой беспомощности героя перед огромностью превосходящего. «И всю ночь по крыше грохотало и гремело, и в трубах отзывалось стоном, и Наде казалось, что....» Кстати, у чукчей, к примеру, есть более ста определений снега, среди которых имеется слово, означающее «снег, который не хочет, чтобы на него наступали». Прелесть!

А.Твардовский. «И все же, все же, все же...» Шесть строк беспомощных логических оправданий и одна единственная строка — Совесть. Она и перевешивает.

«Свобода, свобода, пиши, что душа желает!» И осветили свои потемки, распахнули души, а там оказались не храмы, а серые пятиэтажки. Литература полна молодым плеском и корыстью, и все-таки ждешь, ждешь мессию, вот придет и все расступятся.

В «Слове о полку Игореве», если читать по древнеславянски с разной скоростью, неровно, как былинку, открываются такие словесно-звуковые сокровища, перед которыми современный стих бледнеет, как подделка. Ведь есть представление, что Пушкин загубил русское стихосложение... А сказовый лад перенял у Петра Ершова, поэтому «Конёк-Горбунок» сам звучит в душе, а сделанные сказки великого поэта — лишь на школьных уроках.

Какие темы у древних, какие темы! Войны с богами, спор с судьбой, исполнение предсказаний.

В метро, читая Олешу, охватила наплывом счастья. Из строк поднялось.

В рассказе Валерия Шашина живой напор жизни, волна с песчинками решений. Его герой все принимает, ищет выжить, в конце — нравственное свершение. Такая музыка, такая нормальность! Мягко, чувственно, размыто, туманно, а впечатление огромное. Всю бы жизнь читала его прозу, особенно, биографическую.

Вчера высоко прошли «Темные аллеи», до словечка, до печали, до восхищения.

ЛЮБОВЬ

Поговорила с С. и расплакалась от любви. И увидела, что любовь — таинство, сияющее, блуждающее, карающее, сродни непостижимым богам Востока.

Любовь похожа на небесный огонь, сходящий на землю в пасхальную ночь. Подобно ему в самом начале его земного бытия, она божественно легка, не обжигает и вселяет надежду на счастье. Но, попав во власть приземленного духа, страстей и стяжаний, как и небесный огонь, поживший среди нас, грешных, любовь обретает жгучесть, и начинается путь истребления.

МЫСЛИ

Мысль изреченная... прости меня.

Ни одной приятной мысли за день. А день хороший.

Существует воззрение, что муки и страдания есть подсознательное блаженство. Все есть организация чего-то. Вот и Россия который век корчится в спазме этого блаженства и длит, и длит свои беды. Нравится, и останьте.

Дефолт 1998 года был страшен не столько потерей денег, сколько прозрением людей во вдруг открывшейся бездне неопределенности и беззащитности. Это напоминает потрясение христианского человечества после открытий Николая Коперника, когда вместо уверен-

ности, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, людей пригнуло понимание затерянности Земли в необъятных просторах Космоса.

Уважаю твою сложность, но отстраняюсь от нее. Сложность как основа простого — да, но как неперегоревшая путаница — ни в коем случае.

Светлое лицо в толпе — благодатная весть.

Будда вывел страдания из желаний. Но причина самих желаний — в жадном эротизме подсознания на объемной непрерывности бытия. Все наши «да-нет» сами себя кормят.

Жаль, что нашлась эта потерянная вещица, а я-то уверилась, что она дематериализовалась. Надоели объяснимые вещи.

НАБЛЮДЕНИЯ

Толкования о вечном нередко содержат милые посиделки на сладости мышления. Вместо отчаянного выстраивания себя из низкого несовершенства, идут обалденные всеохваты и всеполеты.

Увиделась конечность людей, вождей, учителей. Здесь и не дальше.

Трудоголики заменяют себя-постигающего на себя-вкальывающего. Необходимо пахать на общественной ниве, но совместно, а не вместо.

Читая толстую газету, упилила невесть куда от себя, от окружения. В эти газеты проваливаешься как в помойку, и, главное, часа на два.

Твердое суждение есть попытка выстраивания, против которой тотчас встает несогласная толпа явлений. И везде так. Невозможно объявить ничего однозначного, например, такого: никакой руководящей идеи нет и не будет, кувыркайтесь, как хотите. Надо предварить: я полагаю, ИМХО.

Воронья мафия уничтожила на гнездах всех певчих птиц, а старушки продолжают сыпать корки этим разбойникам. Святая простота. Между тем, согласно науке, в случае катастрофы выживут лишь крысы и вороны. И тараканы за компанию.

Сухая политическая логика хирургически острее чувственного художественного восприятия. В беседе на «Школе злословия» искусенная Ирина Хакамада шутя, словно котят, раскидала возражения двух писательниц — Татьяны Толстой и Дуни Смирновой. Что из этого следует? Можно ли владеть всеми уровнями сразу? Не завидовал ли политик Ульянов писателю Толстому, а писатель Толстой — политику Наполеону?

Как ошеломительно с размаху удариться о невидимую преграду! А мухе нипочем, она даже ползает по стеклу. Так выживают неразумные.

Болтливая сотрудница вышла, и в образовавшуюся тишину, точно в брешь, хлынули мысли.

Бездельник имел такой респектабельный вид, что хотелось подойти к нему и спросить о главном: «Как жить?».

Читая «Грамматику», увидела, что этой несметной дробности не существует. Есть смысл и речь в одном потоке, звук, дыхание. Все остальное — наука и ее сладострастные нужды, которыми все названо, определено, удобно, и это крошит душу на части, вытягивает силу. Дробление мира языком восхитительно-эротично, восхитительно-ясно: или — или, либо — либо... чего же боле? А по чувству-то и ошибиться недолго.

ОТКРОВЕНИЕ

— Нет сильной радости, нет эмоционального стрежня, — приуныла я среди бела дня. — Как будто все хорошо, а жизни нет, невозможно жить этой пресной и тусклой жизнью.

Так я бродила, неприкаянная, пока не присела в одиночестве в тихий уголок. Вдруг все затихло во мне, все пришло в равновесие, что-то открылось, вошло легко и светло, я стала частью всего. Вместе с глубоким-

глубоким вдохом я ощутила себя такой хорошей, любящей жизнь, что мысли стали ясными и радостными, и счастливое головокружение от прекрасного в этом мире овеяло меня.

ОТКРЫТИЯ

Бомж смердящий. Раньше не понимала, по литературе, за что не любили и гоняли бродяг. Однажды прочла у Бунина, как он, щеголеватый барин, подавая пятак сидящим бродягам, смутился и пробормотал.

— Все-таки ужасно, что вы так живете.

И вдруг увидел устремленные на него умные дерзкие глаза.

— Ровно ничего ужасного, молодой человек.

И вот недавно я слышу по «Свободе» интервью с одним из бомжей после страшного зимнего ночного мороза.

— Как выжили? Где спасались?

И в ответ разумный, интеллигентный голос нестарого мужчины.

— Живу по подвалам. Я недавно так, не пускают в квартиру. А того мальчишки не видно. Замерз.

Жалко людей. Жалко прекрасного артиста Петра Алейникова, когда он, уже старый, выпивающий, подружился в зоопарке с волком; приходил к нему и плакал, сидя у клетки, а волк из-за прутьев лизал ему лицо. Что это? А?

Н.: «Я останусь на льдине, даже если все погибнут». Хваткая, талантливая, провинциальная, деловая. Она высосет твою светимость и ухмыльнется твоей доверчивости. Но оказывается, с ее сиянием надо сливаться, а не отрицать. Это гравитация, притяжение звезды к звезде. Странно, что Н.— мостик к этому открытию.

ОТНОШЕНИЕ

Плазма человеческих отношений.

Что за тайная связь между людьми? И как болезненна эта связь!

ОШИБКИ

Позвонили, ошиблись номером. «Извините». Я хотела сказать «Нé за что», и сказала «Ни за чтó!»

Вместо Великого Посвящения просила тему для романа.

ПИСАТЕЛЬСТВО

Андрей Платонов — ярость и беспредел души. Творческий человек — это чудо, которое вообще не обязано быть, но если случилось, то и похоже лишь на

одного себя. Творчество Платонова вершится, как дикий посвист сумасшедшего истинно-искателя.

Случай с Зощенко, когда ему до войны звонил неизвестный, злобно-желчный, оскорбленный и издевательствующийся надо всем. Потом война, тяготы, победа. И вдруг году в 1946 — звонок и тот же голос. Зощенко обрадовался. «Как прожили? Где воевали? Что испытали?» Тот смутился, что-то ответил и больше не звонил.

Мне иногда думается об этом человеке. Что ему открылось в доброте Михаила Михайловича, как он воспринимал потом все, что свалилось на Зощенко?

Нина Берберова по приезду в Америку в пятьдесят лет ощущала себя одинокой стрелой, пущенной в будущее, которое зависело от нее одной. И состоялась. Даже замуж вышла.

У Бунина: «Все ждал каких-то счастливых дней для работы...»

Юрий Кузнецов провидчески увидел в ночь на третье тысячелетие темные силы, борющиеся с Россией, накинутую на нее сеть, их голоса и услышал, как молчит Россия. Мощный поэт, вселенские сдвиги в душе. В мечтах желал Елену, супругу царя Менелая, уловив мужским чутьем ее красоту в смущенных строках Гомера. Этот поэт — грохот звездного скопления, страшные движения души, корневое русское чувство. Пил чистый спирт.

Беззастенчивая соседка-графоманка, ее настойчивость, мое нехотя-согласие послушать ее рассказ. Ужасно. Похоже на свалку арматуры, все торчит, все неуместно. Стала объяснять и увидела, что, называя словами, ты пустеешь и грубнешь, будто вторгаешься кайлом каменотеса.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Сидим с кошкой у окошка. На улице кто-то громко и смешно кашлянул. Мы посмотрели сначала туда, потом друг на друга.

Среди ночи проснулась от шума воды. Оказалось, сорвалась резьба. Наутро мастер-сантехник ввинтил, что надо. Я проверила работу.

— Больше ничего не случится ночью?

— Если случится, я приду и сделаю.

— Не сомневаюсь, — я улыбнулась.

Взял деньги, пошел к двери, оглянулся.

— Спасибо за добрый разговор.

А я почти молчала, даже звонила клиентам при нем.

— У вас таких разговоров, поди, по двадцать в день? С разными хозяйками?

Улыбаемся.

— Все хозяйки хорошие. Всех жалко.

Обновила сантехнику, покрасила стены и чем-то обнадежилась. Вот почему женщины менее подвержены отчаянию.

Подруга в разговоре о мелькании одинаковых дней сказала, что вечером, ложась спать, уже на подушке спрашивает себя: «Это *тот* день, или другой?». Оказывается, другой, похожий, как две капли воды.

В повседневности все вызовы и находки. Самые высокие мысли зачаты в суете, как те цветы, не ведая стыда.

Сошла с автобуса. « — Вы из Ашана? Сколько песок стоит? — 22 рубля. — А говорили 18». Т.е., все живут в одной связке, и понимают с полуслова.

РАДОСТЬ

Пришло веселое мужество, вошло счастье. Я умею узнавать его. Во мне высоко. Из сияния любви — легкий поворот — в сияние вечности. Душа знает. Утром рассказывала подруге о своей радости, хотела быть легкой, но ее стальные слова будто потрошили меня. Жестко у нее. Выспрашивает у тебя о тебе же, чтобы дорисовать твой портрет и поставить в ряд, но «под» или «за» собою.

Залегла под одеяло в ранних сумерках и, боже мой, как отдохновенно провела время! Насладилась само-

цветием заката, полнотой плиты по времени, неосязаемостью себя. Потом заструился светлый ток в сердце, в душе. Как просто. И как редко.

Сбежала с лестницы м. «Войковская», напевая про себя «Травма черепно-мозговая/ Мы в России народ простой/ Я сразу скажу тебе «Здорово!»/ А ты улыбнешься и скажешь/ «Я так ждала тебя, Вова!», песня о контуженном пареньке. И вдруг озарилась забытой радостью: уж если о таком несчастье, как травмированный парень, о таком ужасе можно сказать так мягко, светло, сочувственно, с таким изысканным пониманием, то как велик человек! Медленно шла, глядя в пол, храня эту радость. Давно не было.

О радости мы почти не говорим. Все о делах, о делах, мол, всё переделаем и приступим к радости. Ага, разбежались!

РАЗГОВОР

- Но если все понять — чем жить?
- Каким обманом, то есть?

- Ты ощущаешь толпу, в которой идешь?
- Нет. Я один.
- А когда один?
- Во мне толпа.

— Вот дело, его можно отлично исполнить. Почему же ты халтуришь?

— Потому что внутри дела сидит усилие, а я хочу прошмыгнуть.

— Хочешь быть всегда занятым? Сначала злостно изломай, потом смекалисто чини.

— Нынче выходной день, отдохни, развейся.

— Что ты, что ты! Я нарочно засоряюсь делами, чтоб хоть за что-то зацепиться в этом страшном свободном падении, именуемом свободным временем.

Женщина-бутерброд возле метро.

— Кем я только не работала! И мясо продавала, и колбасу.

— Прочел газету?

— Пробежал по заголовкам, точно лужу по камешкам.

— Сколько будет дважды два?

— А мы покупаем или продаем?

РЕЛИГИЯ

Пустынников посещают те же находки и заблуждения, что и нас, мирян. Но мощь! Пещеры, леса, голод-холод. Днем и ночью. И горящее сердце, пылающая го-

лова. Побеседовать бы с кем из них, но без исступления.

Миф о сотворении мира был рожден в знойном краю людьми, натерпевшимися от жажды и палящих лучей. Оттого в раю растут тенистые сады, текут ручьи, в прохладе щебечут птицы. Когда же стали обращать в христианство чукчей, те спросили.

— В вашем раю есть тюлени?

— Конечно, нет.

— В вашем раю нет тюленей? Мы же умрем с голоду!

На штурмовавших мечеть была специальная обувь, чтобы не занести пыли. Глубины, глубины.

Христианство — временная тема для глубинного развития русского духа, оно уже тесно ему. Превзойдет и на какие же высоты выйдет!

Тот продвинутый человек, которого через века самовольно назвали Моисеем, дал не десять заповедей, а сорок. Среди них: «Не веди пустую жизнь», т.е. занимайся душой. А те десять — для рабов.

Исаак, готовясь зарезать сына, испытывал сладострастие убийства по приказу свыше, от послушания и безнаказанности. Федор Михайлович, оцените!

Возле церкви две женщины просят у К. милостыню, а одеты лучше нее.

РУССКОЕ

Русское созерцание, отвлекшись от вселенских грёз, кинуло взгляд на образцы западного искусства и по их приемам создало образ своего осознания. Получились Пушкин, Толстой, Мусоргский. Потом включилось в общественное движение и тоже превзошло всех. Что-то дальше.

СКАЗКИ

Ах, как мы говорили все века! Гул народного говора из старых сказок доносит золото этой речи.

Зашел в топучее болото, огрыз до колен.

Вры одни, сказки-то.

А тут — на-поди! — остров явился.

Жестоко ударились, земля простонала.

Куда ворон костей не залетывал.

А дрязгу этого не рассказывай, чтобы старуха не болела душой.

Эка сила хочет во мне быть!

Сердце у самой так и ощипнуло.

Сшибите мою старую избу и поставьте каменный дом.

А кони-то, кони! Чудо да и только! И сыты, и статны, и на ногу резвы.

А уж известно, чего баба захочет, то и сделает.

— Что хочешь — деньги или доброе слово за ковер? — Доброе слово.

— Как будем царевну судить? — Усовестим словом и живите себе.

— Жаль дворец золотой оставлять. — Катай по стенке, все в яичко скатаешь.

Кормил Жар-птицу три года, выпустил. — «Обманешь — не прощу». Вернулась.

А вот целые кусочки.

В прочих деревнях так ли делают старухи, у холодного-голодного новостей спрашивать! Ты меня накорми-напои, в баньке выпари, на постель повали, тогда и спрашивай.

Кустик, а его ветром качает, а его ветром качает, — Спроси про меня, спроси про кустик... — Этот кустик — твоя судьба, как дойдешь до него, он перестанет мотаться и качаться.

Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несет, по воле али по неволе? — Добрые молодцы по неволе не ездят. Не волею и не неволею, а своей охотою.

Королевна спрашивает у царевича: «Чем себя поблагодарить велишь?» «Поцелуй меня, красна девица!» Королевна не устыдилась, прижала его к ретиву сердцу и громко-громко поцеловала, так, что все войско услышало. А дома все дочиста отцу рассказала. Свадьба была веселая, все кабаки и трактиры на це-

лую неделю были открыты для простого народа безденежно.

В стародревние годы, в старопрежние в некоем царстве, не в нашем государстве случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять. Башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью.

СЛУЧАЙ

Дощечка в пруду на воде. На нее села ворона, дощечка поплыла. Вороне не понравилось, она слетела. От толчка дощечка поплыла обратно... Их мир. Как сквозь собственный шум войти в его тишину?

На детской площадке мальчик обидел девочку. Плач, крик. И вот поднялась со скамейки старшая девочка, привела обидчика и стала их мирить.

— Взялись мизинцами. Повторяйте: мирись, мирись и больше не дерись.

Успокоились и побежали играть. Старшая девочка. Как ощутила ответственность старшей?

В кабине грузовой машины, которая подвозила меня на дачу к сыну, разговорилась с молодым водителем.

— Какая вчера гроза была отличная, правда?

Он помолчал.

— Гроза? А я-то где был? А, я спал...

Видно, спал по пьянке и теперь жалел, что пропустил грозу.

Птенец между оконным стеклом и сеткой, детское пронзительное «цвирк, цвирк!». За окном мятущаяся мать. Пришлось отодрать кусок сетки, протянуть к нему руку. Он закричал от ужаса, ткнулся носиком в угол от последней беды. Отнесла его в траву. Мать не видит его на земле, вот увидела, подскочила. Он разинул клюв: «С-р-р-р! Есть давай!». Она отлетела нервно на ближнюю ветку, глаза иголками, вся обстругалась перьями. Не понимает, глупый, барахтается, пушистый, с хвоста на клюв, с хвоста на клюв. И... перелетел к ней. Спустя время смотрю из окна, на ветке спокойно сидит какая-то птица. Какое счастье — спокойная птица!

Гуляли с мужем в осеннем парке, по аллеям, усыпанным яркой листвой кленов, лип, берез. Мы — красивая пара, все любят. У спуска к водохранилищу, у гранитной лестницы на широких перилах сидели пожилая женщина и ее внук, молодой человек, и тоже смотрели, как мы подходили. Она улыбнулась мне, как улыбаются благородные дамы.

— Который час? — спросил молодой человек.

— Десять минут второго.

— А по-польски это было бы *пш-пш-пш*.

Я посмотрела на них. Михаил Бакунин пришел на память.

— «Еще Польша не сгинела!»... — сказала с улыбкой слова их старого гимна.

Он вскочил.

— О, добче, добче! — воскликнул с восхищением.

Мы пошли дальше.

Бабушка с внучкой идут-гуляют.

— Дождик? Как скоро. Только что сказали.

Я опустила лицо и шла, смеясь.

Опять оторвался кусок Солнца и несется к нам.

30 сентября 1659 года Александр Селькирк попал на остров и стал Робинзоном Крузо.

СОН

Будто объявлен «День двух морей», и если подняться с телескопом повыше-повыше, то увидишь на юге Черное море, на севере Белое море. И будто бы звезды проходят некий хребет и можно услышать грохот на перевале. Душа моя, где ты бываешь?

Будто некто спрашивает.

— Где дом номер три?

— Вот, двухэтажный.

— Сейчас будем его бомбить.

И уже летят самолеты.

— Скорее, — рванулась я, — предупредить.

Но разрывы, клубы дыма. И все же мысль «спасти» была первой.

Сон о моей спешке. Спешу, спешу, даже вниз съезжаю по головам людей.

Большой кабинет, женщина-журналистка, ее коллеги и большой ученый. Мужчины об умном: о потере смысла, общем тупике, угрозе ядерного терроризма. Потом все уходят. Она задерживается.

— Что же нам остается?

— Россия, Русь, ее молчание.

Смотрят друг на друга. За окном оранжевое зарево, капли огненного дождя. Видно, как бегут люди. Она смотрит на него. Он кивает.

— Да, началось.

— Идите ко мне, — говорит она.

— Вы думаете?

— Да, идите.

Они ложатся на диван и обнимаются.

СОСТОЯНИЕ

Лежала дома в ранний вечер. Тихо, ясно. Вот бы и вслушиваться в ясность. Без учений, без Учителей, просто и тихо всматриваться в себя.

Никто не знает, как полно, благоуханно, улыбочиво я бываю счастлива в уединении.

Шла себе на автопилоте. Уехала в другую сторону.

СПОРТ

Г. рассказал об одном человеке, который пришел на спортивную площадку и стал молча заниматься. В ответ на замечание полковника о невежливости достал из кармана бумажку и прочитал: «Я не могу говорить по-русски». Американец.

Рассмеялась, вспомнив, как Наташа, придя на спортивную площадку, хотела поздороваться, а человек висит вверх ногами. Она растерялась.

В спорте нет людей, там соревнуются существа высших животных. Люди играют умом, боги — состояниями. Провести бы чемпионат мира по осознанию. Слабó?

СТАРОСТЬ

Состарилось поколение немудрых стариков, состарилось врасплох, не взыскав, напрягаясь в лихолетьях и пересыпая в ладонях навязанные мысли. А ведь старость — это тишина и мудрость.

Старушки. Одна благодарит водителя сбившей ее машины, другая бежит сто км после онко-операции.

СТРАНА

«Посмотришь на русского человека острым глазком, — пишет Розанов, — и он посмотрит на тебя. И все ясно обоим. С иностранцами этого нет».

И действительно. Ходят туристы по Москве, ничего во взгляде нет, словно у рыбы. А вот Лена из док. фильма «Страдание» сквозь сопротивление и насмешки окружающих с тремя сыновьями едет на остров «Волчий» в тюрьму, где сидят пожизненные убийцы. К Володе, которого видела в девичьем сне давным-давно, от которого пришло письмо и началась переписка, фотография и любовь. И венчалась с ним, и стихи в брачную ночь, и ребенка от него хочет. У него туберкулез. Как сказал сосед Володи по камере, прикованный на момент съемки наручниками к железной спинке кровати.

— Она нас всех подняла, высветлила, дала самоуважение, наполнила своей любовью. Мы же все потеряли, мы отвержены человечеством, мы так напакостили ему. А она замуж пошла.

Словно сошествие в ад. Вот Россия.

Не встретились Даниил Андреев, Лев Гумилев, Михаил Зощенко из-за дикого тиранства дикого грузина.

Давно-давно, в 1990х годах, в библиотеке на обороте читательских требований прочитала чеченское обращение о зачистках в Самашках, мольбы о пощаде. Не поверила. Преступная глухота! А люди хотели докричаться.

Масхадова жалко, нравился он мне. И тело не отдают родным. «В секретном месте».

СТРЕСС

Ну и принтер, ну и я, ну и дела! Стресс на стрессе. Смена картриджа в струйнике — всегда потрясение. Не лезет новый картридж в гнездо, упирается, а чернила сохнут! Я даже взвыла в отчаянии. Но если бы некто сердобольный сделал это за меня, мои напряги в этом грозном мире были бы сорваны. Вот она, жалость.

ФУТБОЛ

Зверская игра футбольных команд. Низший животный уровень. Не понимаю?

Манчестер-Челси, в Москве, в дождь, поздно вечером. Боялись английских болельщиков, но дождь и ничья. Ночью обсуждения по радио. Один приехал на матч из Рязани, сейчас едет обратно, в ночи, под дождем. Пожал руку Рональдо. «О-о. Не мойте эту руку!» Речь убогая, охваченность полная, впечатлений выше головы.

ШУТКА

ЗАО «Флинт и Компания»

Город Егорьевск, привокзальная площадь. «Туалет работает с 5 часов до 21 часа без перерыва на обед».

Я

Отраженное тысячью зеркал, соблазненное тысячью соблазнов, замороченное тысячью учителей, о, мое бедное «Я»!

Я как трава на вершине: обтерханная ветрами, прижатая к камню. Но на вершине.

«Я» заслуживает безопасности. Осторожно с «Я»!

Слово «Я» — это короткое замыкание.

ЯСНОСТЬ

Ее ловушка во временном совпадении моего уровня с чем-то внешним посредством метафоры. Завтра уже другое.

СОДЕРЖАНИЕ

Афоризмы	2
Безмолвие	2
Бессмыслие	3
Бизнес.....	3
Вежливость	7
Внешность	8
Внимание	9
Возраст	9
Воля	10
Время.....	10
Вселенная.....	10
Делание.....	11
Деньги	12
Друзья	12
Другой	13
Душа	14
Венедикт Ерофеев	15
Женщина	17
Жизнь	18
Здоровье	19
Зло	19
Знак	20
Знание	20
Искусство.....	20
Книги	23
Лев Толстой.....	24

Литература.....	26
Любовь.....	29
Мысли.....	30
Наблюдения.....	31
Откровение.....	33
Открытия.....	34
Отношение.....	35
Ошибки.....	35
Писательство.....	35
Повседневность.....	37
Радость.....	38
Разговор.....	39
Религия.....	40
Русское.....	42
Сказки.....	42
Случай.....	44
Сон.....	46
Состояние.....	47
Спорт.....	48
Старость.....	48
Страна.....	49
Стресс.....	50
Футбол.....	50
Шутка.....	50
Я.....	51
Ясность.....	51